

**«Кофе – он МОЙ!»,
или «Ветра» – не «ветры» – сводят нас с ума**

Для России отпадением от истории, отлучением от царства исторической необходимости и преемственности, от свободы и целесообразности было бы отпадение от языка. «Онемение» двух, трёх поколений могло бы привести Россию к исторической смерти. Отлучение от языка равносильно для нас отлучению от истории...

Осип Мандельштам. «О природе слова»

Хрестоматийное стихотворение в прозе Ивана Сергеевича Тургенева «Русский язык» (1882 г.) изучалось в советской средней школе не просто как гимн родной речи, но и как сдержанное обличение «царского режима».

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Спустя сто с лишним лет после создания стихотворения эти несколько строк, казалось бы, действительно наполнились «духом площадей».

Осенью 2009 года и периодическая печать, и русскоязычный Интернет вспыхнули язвительными комментариями. Повод – одобрение Госдумой «новых» норм в русском языке. Строго говоря, законодатели всего лишь занимались своим основным законотворческим делом – приняли в качестве нормативных (то есть обязательных для юридической практики) четыре словаря. Но несколько словарных статей придавали статус нормы такому произношению ряда слов, которое вчера еще считалось символом безграмотности. Собственно, эти несколько статей и вызвали поток ироничных откликов.

Слились в едином порыве и состязались в сарказме не только академики-филологи и обладатели институтских дипломов. Не менее виртуозными в поношении «думских грамотеев» оказались... современные «футуристы-нигилисты», превратившие нарочитую анти-грамотность, в блогах именуемую «олбанской езкой», в особый – задиристый и провокационный жаргон.

С нескрываемой язвительностью написала тогда официальная (!) «Российская газета»: «С 1 сентября

любой гражданин нашей страны, который обсуждает «договоры по средам» и пьет «вкусное кофе» с «Йогуртом», будет считаться вполне образованным и грамотным человеком». И, наспех опросив население, газета с удовлетворением отметила в подзаголовке статьи: «Людям оказалась небезразлична норма родного языка»¹.

Я помню ту дискуссию. В самых яростных публикациях тезисы ревнителей сохранения прежней нормы были далеки от лингвистики и выглядели, скорее, политическим манифестом. Тургеневский «великий народ», начертав на знаменах «кофе – он мой!», выговорил власть предержащим за всё сразу, от малиновых пиджаков и повсеместной блатной фени до засилья «пацанского шансона» и «звезд в шоке».

...Достоевский был прав: «В России никогда не будут исполнять законы, написанные другими людьми».

И едва ли не торжествующая левитановская образца 1945 года интонация вскоре прозвучала в заявлении декана филологического факультета Санкт-Петербургского госуниверситета (СПбГУ) Сергея Богданова. В духе интеллигентской питерской фронды он сообщил о том, что «на базе комплексного нормативного словаря создается словарь «живого русского языка»... В нём, в частности, будут закреплены считающиеся классическими нормы произношения слов, таких, как, например, «кофе» или «договор», в отличие от четырех словарей, ранее рекомендованных Минобрнауки для использования в государственном делопроизводстве»².

В отличие!

Почти «Нате!» в 1913-м, «Дошли!» на рейхстаге в 1945-м или «Ййесс!» на переломе тысячелетий.

Увидев **такое** воплощение своего призыва, Иван Сергеевич, вполне в духе своего хармсовского литературного alter-ego, мог бы схватиться за голову и в панике «тут же уехать в Баден-Баден»³.

... Но здесь я бы перевёл дыхание, успокоил патриотично бьющееся сердце и взглянул на дело спокойно.

Потому что первое, против чего протестует наше русское чувство – и вполне адекватно выражает свой протест средствами родной речи, – это чрезмерный пафос!

Как метко написал русский религиозный мысли-

¹ Наталья Лебедева. Черное кофе с йогуртом. «Российская газета» – Федеральный выпуск №4987 (163) от 2 сентября 2009 г.

² <http://news.mail.ru/society/2986375/>

³ Даниил Хармс. Случай. <http://lib.ru/HARMS/harms.txt>

тель, историк, публицист Георгий Федотов в 1932 году, «русский язык – не только с XIX века – отличается величайшей аскетической простотой. Наши русские писатели, как и народ, не выносят приподнятости, торжественности, красоты. Малейший намек на риторику нас оскорбляет. Эта русская простота имеет много оттенков – не всегда она благая, иногда и разрушительная. Русская простота покрывает и Пушкина, и нигилистов, и Толстого, и Ленина»⁴...

Безусловно, «вкусное кофе» (как и не менее одиозные «звонит», «ложит», «дАла-взЯла») звучит мучительно для обладателя языкового слуха – как чья-то певческая фальшь может вызвать реальное физическое страдание у одаренного музыканта.

Но давайте будем честны до конца: если в словах, утвержденных для юридических разбирательств, словолюбями отмечены ТОЛЬКО эти оплошности, значит, в остальном книги – приемлемы? И ничью судьбу не сломают в суде сомнительные ударения в слове *йогурт*?

Признайтесь, мы ведь привыкли, что нам с телеэкранов люди в погонах, усыпанных крупными звездами, рассказывают о *возбужденных* уголовных делах! Не коробит это нас, если честно! И пусть дела будут *возбуждены*, и пусть прокурор на процессе попросит себе *черное кофе* – мы охотно смиримся, лишь бы *осужден* был лихоимец и душегуб и «вор сидел в тюрьме»!

А вот протест «по случаю», издёвки – это все как раз о другой болезни громко кричит. Правда состоит в том, что фонетические огрехи вызывают необоримое желание вслух (торжествуя и громко!) провозгласить «а надо говорить вот так!» только у тех, чья грамотность и забота о родной речи подобным знанием и исчерпывается.

На мой взгляд, именно в таком протесте «школоты», как в зеркале, отражается готовность «приколоться», сложить фигу в кармане, проявить эфемерное превосходство над «понаехавшими тут» – на том крохотном пятчке, где «крепкие троечники» еще чувствуют себя более или менее уверенно, что-то помня из курса среднего образования...

Так же нетерпимо и оскорбительно ведут себя подчас прихрамовые старушки из числа недавних атеисток-комсомолок, по поводу и без повода шикающие на заглянувших в церковь молодых, неловко ставящих свечи или неканонически осеменяющих себя крестным знаменем.

Точно подметил Андрей Макаревич в песне «Памяти Галича»:

*Вот идут они – смиренные,
И почти во всем – первые,
И насчет войны – мирные,
И насчет идей – верные.
И разит от них силою,
Здоровы душой, телом ли...
А я хочу спросить: милые,
Что же вы с собой сделали?..*

За «фонетической неканоничностью» вспыхнет иногда что-то яркое. Только не поторопиться с осуждением!

Мы приободримся, расправим плечи, услышав в динамике хриплую мощь Высоцкого:

*Мы говорим не «штормы», а «шторма» –
Слова выходят коротки и смачны.
«Ветра» – не «ветры» – сводят нас с ума,
Из палуб выкорчёвывая мачты...*

Умилится исчезающей заонежской синкопе⁵ – «пАроход пОшол» – или северному «цоканью» («Кто куриТ табаок – тот христов мужицок, а кто не куриТ табаки – хуже собаки»)...

Мы же слышим живую, мощную, творческую речь!

Профессионализмы, диалектизмы, даже детские игры со словом. Это – оттенки в мире речи. И если различаем оттенки – значит, ярче и полнее видим мир.

Художники различают множество цветов – это понятно. Но и текстильщики видят до 200 оттенков черного цвета, а сталевары – до нескольких сотен тонов красного! Так, в русском языке существуют десятки слов для обозначения всевозможных цветов и оттенков, а в японском – не менее шестисот! Опыт отливается в слова и дела. Нет опыта – нет слова, нет продолжения дела, обрывается традиция.

Помню, когда я учился в Московском университете, наш учитель, выдающийся социолог и философ Борис Андреевич Грушин в качестве иллюстрации к проблеме перевода приводил такой пример.

Во французском есть семь слов для обозначения степеней готовности яйца (в русском, напомним, три – всмятку, в мешочек и вкрутую). Это означает, что француз различает такие оттенки вкуса, кото-

⁴ Федотов Г.П. Славянский или русский язык в богослужении// Путь. – №57. – 1938. – Сент.-Окт. – С. 3-28.

⁵ Здесь: музыкальный термин, означающий смещение ритмической опоры с сильной или относительно сильной доли такта на слабую. В лингвистике синкопой называют выпадение одного или нескольких звуков в середине слова. Применительно к переносу ударения на первый слог в заонежском говоре филологи употребляют термин «ляпанье»...

рые для нас сливаются, не обозначены отдельным словом. А в монгольском, мол, меньше десятка слов для определения оттенков вкуса вообще.

Риторический вопрос: удастся ли без ущерба для предмета перевести французскую поваренную книгу на монгольский?!

Готовя это эссе, я консультировался с франкоязычными. Они затруднились с утверждением, что оперируют именно семью словами для определения степеней готовности яйца. Хотя и не скрывали, что имеют в виду современный французский (как знать, может, во времена расцвета французской кухни какой-нибудь замечательный повар знал и употреблял больше слов?).

И по монгольскому, признаюсь, у меня точных данных нет. Но надеюсь, что суть примера я тогда уловил верно. И знаю, что слов для обозначения белизны и свойств снега у народов Севера куда больше, чем у южных народов, а вот в разнообразии соусов они, очевидно, не столь свободно ориентируются...

Так что грамотность – если под нею понимать лишь правильную постановку ударений в словах и безошибочное написание орфограмм в диктантах, дорогого не стоит.

Множество достойнейших, оставивших неизгладимый след в истории людей и говорили, и писали с ошибками. И это не помешало им стать великими. А некоторые «неграмотности» даже закреплены в истории!

Курьезен случай, известный всем историкам культуры. Выдающийся теоретик искусства Виктор Борисович Шкловский в начале XX века создал «теорию остранения», связанную с его представлениями о двух противоположных процессах отношения сознания и вещи – «видении» и «узнавании». Он считал, что в обыденной жизни бы «берем вещи счётом, числом», скользим по ним взглядом, не касаемся сердцем, не проживаем. И тем самым обедняем себя.

Целью подлинного искусства, по Шкловскому, является возможность **пережить делание вещи, дать ощущение вещи, как видение, а не как узнавание**. То есть вещь из привычной должна стать странной, остановить внимание. Соответственно, «приемом искусства является прием «остранения» вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий долготу восприятия, так как воспринимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен».

Сам Виктор Борисович в зрелости не без само-

иронии признавал: когда он придумывал термин, он имел в виду «остранение» (от *странный*), но ...неграмотность подвела. Не важно, наборщик ли просмотрел либо автор невнимательно гранки вычитывал. Но введенный Шкловским и русскими формалистами (и вошедший в арсенал ряда исследовательских направлений в гуманитарных науках XX века, в частности структурализма и семиотики) термин «остранение» сохранился в «неграмотном» написании, и даже в поздних работах автор термина писал его с одним «н»⁶...

В каком-то смысле данное эссе – в духе теории остран(н)ения.

Мы, как ни печально, обращаемся с тургеневским «великим языком» расточительно, а подчас жестоко – и, соответственно, перестаем быть тем самым «великим народом», которому он дан. Не проживаем, а скользим по поверхности. Потому что так легче – скользить.

И удовлетворяться поверхностным знанием, а то и вредной жвачкой из телевизора.

И вступаться за искореженную речь только в том случае, если есть шанс использовать малое свое знание как шпильку или дубину.

И вместо сотен слов, способных оформить оттенки наших чувств, пользоваться двумя-тремя. А то и одним – **«Прикольно!»**

Слова «великого языка» умирают – как умирают ежегодно, если верить ученым, десятками целые

⁶ См. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Остранение>.

языки малочисленных народов. В лучшем случае, переходят в категории устар., высок., книжн. в словарях. Умирают, унося с собой смыслы, оттенки, знания, а еще – то главное, что делает нас людьми одного народа – общение на одном языке. Мы не со-общаемся!

И – как народ – вымираем. На наше место придёт совсем другой народ – и своими словами назовёт окружающую жизнь. Это будет его мир, и поздно будет составлять свои гордые договОры...

Добродей ушел, или По буквам подходит!

Культуролог и философ Михаил Эпштейн приводит такие цифры.

«Первый словарь русского языка составлен в конце XVIII века. В нем было 43000 слов, что примерно соответствовало английскому словарю Сэмюэла Джонсона. И далее полтора века лексиконы «шли в ногу».

В начале XX века в русском языке (по самому полному изданию Даля под редакцией Бодуэна де Куртенэ) было примерно 220 тысяч слов. А в Вебстеровском словаре 1900 года – около 200 тысяч.

Потом – грандиозный разрыв. 1934 год, третье издание Вебстеровского словаря: 600 тысяч слов. 1940 год, Ушаковский словарь, главный словарь советской эпохи: 88 тысяч слов.

Английский возрос в три раза. Русский убавился почти в три.

В XXI веке Большой академический словарь русского языка (вышли в свет десять томов, еще десять готовятся) обещает 150 тысяч слов. В современном английском их около миллиона»⁷.

Прерву цитату. Сам ученый, приводящий такую статистику, оговаривается: не все поддается количественным методам анализа, да и системы языков разные. Но тенденция от этого не становится менее очевидной.

И продолжает – уже не количественное, а содержательное сравнение.

«Этическая работа» языка виднее при обращении к корням. Сравним русский язык не с английским, а с русским же, но... XIX века. В четырехтомном академическом словаре 1847 года 153 слова начинались корнем «люб». В четырехтомном же академическом словаре русского языка (1982, под ред. Евгеньевой) осталось

41 слово из 153... В целом лексико-тематическая группа «любовь» сократилась почти на три четверти.

Вот «добро» и «зло». Было 146 слов с корнем «добр», осталось 52. Ушли: «добродей» («злодей» остался), «добромыслие», «добрословить», «добротолюбие». Из 254 слов с корнем «зло» остались 85. Ушли «злострастие», «злоумие», «злотворный», «злосовестный»...»⁸

И наше внутреннее чутье подсказывает: мы в обиходе пользуемся явно меньшим набором слов, чем люди в XIX–XX веках.

Но при этом слов-то кругом тьма! Из каких только запасников их не достают!

Крутятся рулетки «Полей чудес», «Миллионеров» и прочих «игр на большие деньги» в кроссвордную эрудицию. Газетные киоски пестрят дешевыми изданиями кросс-, чайн- и сканвордов. Страна, перемещаясь в пространстве на метро, в поездах и автобусах, собирает слова в клеточки...

– Опера Беллини, пять букв, «о» вторая, «а» последняя?

– Точно Беллини? Не Россини?

– Точно.

– (без малейшей паузы) Тогда «Норма». Если бы Россини – была бы «Тоска».

– Подходит! (через паузу) Да и «ТоскА» твоя пошла бы...

Наплевать самому «эрудиту» и зауважавшим его попутчикам, что он понятия не имеет о том, кто такой Беллини, и оперу откровенно ненавидит, как Полиграф Полиграфыч Шариков: потому что там «ходят, разговаривают – контрреволюция одна».

Наплевать, что Норма – это имя, а не критический объем суточной выпивки и не минимум дневной выработки. И что либретто написано по трагедии со страшным названием «Норма, или Детоубийство». И, наконец, что все-таки прорывающаяся в радио- и телеэфир ария «Casta diva», ставшая в фильме Михалкова «Несколько дней из жизни И.И.Обломова» ключевой музыкальной темой, – как раз из «кроссвордной» «Нормы».

По буквам подошло!..

Если бы речь шла лишь о милой «пролетарской» наивности в восприятии неизвестных слов, о которых один шолоховский герой говорил: мол, не всё понимаю, но «классовую сущность улавливаю», а

⁷ «Любовь» усохла на три четверти. «Новая газета», 15.07.2009 г.

⁸ Там же.

другой – знаменитый дед Щукарь – использовал для обличения тех, кто, по его мнению, несерьезно относится к жизни!..⁹

Сегодняшнее «по буквам подошло» – это агрессивное, поверхностное, а зачастую и меркантильное жонглирование словами. Что прискорбнее всего – заразительное для аудитории, готовой положиться на «авторитет из телевизора», который так доступно и занимательно излагает – не то, что эти профессора...

«Слова «ВЕРНОСТЬ» и «РЕВНОСТЬ» в русском языке состоят из одних букв. А корень «ВЕР» обратный корню «РЕВ». «ВЕР – ВЕРИТЬ», «РЕВ – РЕВЕТЬ»! То есть ВЕРность – это когда веришь друг другу, а РЕВность – это РЕВ.

Живя на природе, люди РЕВели от злости, как звери, которые порой даже битвы устраивали из-за самок, РЕВнуя!

Очень мудрый русский язык! В каждом слове указание, как жить: чтобы не РЕВновать и не РЕВеть – надо... ВЕРить!»¹⁰

Вот всего 68 слов понадобилось писателю-юмористу М.Задорнову, сделавшему имя на анекдотическом обличении «тупых» иноземцев, а в последнее время увлекшемуся этимологией, для предъявления аудитории «исконного» значения понятия «ревность».

И совершенно проигнорированы (а широкой публике и неизвестны) назидания лингвистов о

том, что СХОЖЕСТЬ БУКВ – едва ли не первая обманка на пути к истинному поиску смысла слова¹¹.

Главное – что «из одних букв» состоят слова!

Почти за сто лет до современного автора-юмориста энциклопедически образованному и знавшему множество языков ученому, философу и богослову о.Павлу Флоренскому слов понадобилось в 500 раз больше. В фундаментальной своей работе «Столп и утверждение истины» он посвятил целую главу уточнению понятия «ревность», исследованию этимологии термина и философско-этическим выводам. Только список первоисточников – 20 пунктов!

«... Прежде всего надо снять с ревности тяготеющий над нею момент осуждения. Ревность так часто смешивалась с известными недолжными видами проявления ее, что самые слова: «ревность», «ревновать» и «ревнивый», не говоря уж о «ревнивец», стали словами осуждения. И, однако, видеть в подозрительности, мелочном самолюбии, недоверии, недоброжелательстве, злобе, ненависти с завистью и т. п. сущность ревности – столь же неправильно, как в недавней свободе, лицепрятости, несправедливости и т. п. полагать суть любви, или в холодности, черствости сердца, жесткости и жестокости его усматривать суть справедливости. Подозрительность, ненависть с завистью и т. д. – все это дурные, недолжные, эгоистические проявления

⁹ «...Или, скажем, так: вот вы про ученые слова мои спрашивали, про словарь, а там пропечатано так: одно слово ученое пропечатано ядреными буквами, их я могу одолевать и без очков, а супротив него мелкими буквами прояснение, то есть – что это слово обозначает. Ну, многие слова я и без всяких прояснений понимаю. К примеру, что означает: «монополия»? Ясное дело – кабак. «Адаптер» – означает: пустяковый человек, вообще сволочь, и больше ничего. «Акварель» – это хорошая девка, так я соображаю, а «бордюр» – вовсе даже наоборот, это не что иное, как гулящая баба, «антресоли» крутить – это и есть самая твоя любовь, Агафон, на какой ты умом малость тронулся, и так дале». М.Шолохов. Поднятая целина.

¹⁰ <http://www.zadornov.net/3uho/>

¹¹ Часто люди просто играют со словами, например, обыгрывают в шутках внешнее сходство двух слов. В этих играх они, претендуя ни на какие филологические открытия, хотят только, чтобы получилось забавно и остроумно... Пока человек осознаёт и признаёт, что он просто играет со словами или получает чисто эстетическое удовольствие от их созвучия, это не любительская лингвистика, это одна из нормальных функций языка. Любительская лингвистика начинается там, где автор заявляет, что он разгадал истинное происхождение слова... Типовое действие любителя состоит в том, чтобы, заметив некоторое сходство слов А и В, заявить: «Слово А произошло из слова В». При этом любителю не важно, принадлежат ли слова А и В одному и тому же языку или разным, являются ли эти языки родственными или неродственными, расположены рядом или в разных концах земного шара...

Вопреки неистребимой вере лингвистов-любителей, внешнее сходство двух слов (или двух корней) само по себе еще не является свидетельством какой бы то ни было исторической связи между ними. Ответить на вопрос о том, есть ли такая связь или нет, можно только с помощью профессионального лингвистического анализа, который требует учета гораздо большего количества данных, чем просто внешний вид двух сравниваемых слов, а именно требует обширных сведений из истории обоих рассматриваемых языков.

Практический вывод: нельзя принимать всерьез никакое сочинение, в котором какие бы то ни было утверждения основаны только на том, что два слова созвучны, без более глубокого анализа источника этого созвучия. ...Сочинение о языке любительское, если в нём встречается хотя бы одно из следующих утверждений: (...) слово А получилось в результате обратного прочтения слова В... А.А. Зализняк, академик. О профессиональной и любительской лингвистике. <http://elementy.ru/lib/430720>

ревности, рождающиеся от смешения любви с вожделением <...> Понятие *ревности* в русском языке, в основном своем направлении, характеризуется как мощь, как сила, как *напряжение*, но вовсе не как страх, или ненависть, или зависть... «*Иметь ревность*», как и «*иметь рвение*», по своему корню означает лишь наличность *силы, мощи, стремительности*. Это – противоположность вялости, бессилию, слабости...

Этимология и словоупотребление слова *ревность* и производных его бесспорно подтверждают данный ранее метафизический анализ понятия ревности. А именно, окончательно снимается с ревности тяготеющее на ней осуждение, и она признается лишь необходимым выражением, или, точнее сказать, лишь необходимой *стороною* сильной любви»¹².

И что же получается? Известное нам выражение – «ревнует – значит любит» изначально имело характер едва ли не тавтологии: любит – поэтому не ослабевает в любви, остается мощным и сильным в стремлении всего себя отдать любимому. И неважно тут, идет ли речь о любви к супругу или к Творцу. Возревновал о Господе – в переводе с библейского означает лишь «исполнился мощным и сильным стремлением быть с обретенным в душе Богом».

...Но вот риторический вопрос: сегодняшние решатели кроссвордов, искатели отгадок на вопрос ценой 100 тысяч рублей – к кому отправятся за ответами? К отцу Павлу, которого нужно иной раз перечитать для уяснения, или к понятному современнику, с подкупающей простотой толкующему о вещах неочевидных – да еще и занимательно так, с юморком?

И каким смыслом в душах людей будет наполнено это слово? Тем, которое у Задорнова – ре́в по поводу самки? Или, может, из шлягера Ларисы Долиной:

*Ревнуй меня, ревнуй меня, хороший мой,
Ревнуй меня, как водится, не бойся!
Когда я поздно прихожу домой,
Хотя бы – где была? – побеспокойся!*

Что ж, такая вот любовь-морковь у нас получает – «усохшая на три четверти»...

Кроссвордно-меркантильное поверхностное словознание – никакая не эрудиция. Как и попытка жонглировать буквами, вытаскивая из цилиндра иллюзорные находки, – никакое не просвещение и не пророчество.

Прямой противоположностью коммерческому подходу является **познание**, и этимология слова (суть понятия) здесь принципиально важна.

В исконном значении познание – это не просто появление некоего образа предмета в сознании, а **соединение с предметом знания**, причем такое, которое уже становится неразрывным, изменяющим, преображающим познавшего!

Это познание – не плод авральной предэкзамнационной зубрежки нерадивого студента: загрузил что-то в оперативную память – сдал – забыл.

Это не то «знание, умножающее скорбь» из постоянно к месту и не к месту цитируемого Екклесиаста (но об этом чуть ниже – подробнее).

Это «красная таблетка» для Избранного, чтобы он вырвался из Матрицы в реальный мир, и «обратного пути не будет»¹³.

Это – «и познал Адам Еву, и родила она сына». И нет уже прежних Адама и Евы, без сына¹⁴.

Это – пройти Крещение и уже никогда не стать некрещеным¹⁵.

Только вернувшись к исконному значению слова «познание», мы приблизимся к пониманию библейского рассказа о первородном грехе. Фактически – к первооснове нашего человеческого существования. Даже если читатель воспринимает библейскую историю как красивый и поучительный миф, это в данном контексте на суть не повлияет.

Пресловутые плоды «древа познания добра и зла» – материальные носители **соединения не с деревом, а со злом!**

Сколько раз упражнявшиеся в уничижительном атеизме люди язвили: что, мол, за Бог у вас такой – создал «по образу и подобию», а сам не захотел, чтобы человек был осведомленным? Но Бог от первого человека не значение слов за черными квадратиками в студии скрыл (тем более что именно че-

¹² П.А.Флоренский. Столп и утверждение истины. XIII. Письмо двенадцатое: певность. http://azbyka.ru/vera_i_neverie/o_boge2/stolp_i_utverzhenie_istiny_13-all.shtml#_ftn4.

¹³ Из кинотрилогии бр.Вачовски «Матрица» (The Matrix, 1999-2003 гг.)

¹⁴ В этимологическом словаре Фасмера: «знать» – от индо-евр. ***ǵen** – «знать», несомненно тождественно ***ǵen** – «рождать(ся)» и происходит от этого последнего».

¹⁵ «Крещеный человек, как бы он ни грешил и что бы он ни делал, не может стать некрещеным. В сущности, он уже находится во взаимосвязи с Тем, от Кого он это Крещение принял. Он может восстать, своими грехами замутил душу до крайности, но он не может стать некрещеным. Тот, кто однажды стал христианином, не может впасть в «невинное» состояние тех людей, которые с христианством глубоко не соприкоснулись». Протоиерей Максим Козлов: Я против «новой духовности». http://www.religare.ru/2_80207.html.

ловеку Адаму поручено было дать имена всему в Эдемском саду! Он предупредил: познаешь зло – соединишься с ним. И увидишь его отличие от добра, в котором ходишь. И не сможешь уже жить как не знающий зла и смерти.

Примечательно, что у славянского слова «благо» слова-антонима нет! Есть дихотомии «хорошо – плохо», «добро – зло». Но Бог зла не творил, он дал благо (благодать – благо даром, т.е. не по заслугам, а «просто так»), и нет в том внутреннего противоречия. Никакого закона единства и борьбы противоположностей...

И как бы атеисты ни пытались секуляризировать слово «сознание» и соединять его грани, наподобие кубика Рубика, со словом «бытие», никуда не деться от приговора этимологии. «Со-знание» – это **совместное знание человека с единственным обладателем и источником знания – Богом**. И со-весть наша оттуда: совместное вЕдение. Место, где мы беседуем с Тем, Кто ...

Сам себе ведь мораль не придумашь, что бы на это ни возражали сторонники абсолютной секулярной «толерантности» и «прав человека», укорененных во взявшейся ниоткуда морали.

И *со-ревнование*, как со всей очевидностью продемонстрировано о.Павлом Флоренским, это не спор хозяйствующих субъектов или стартовавших атлетов. Не стычка *между*, а путь *бок о бок*, на стезе некоего истинного совершенства. И в таком понимании проигравших нет: у каждого свой путь, и самоценно – пройти хоть сколько-нибудь. Для соперничества в смысле тщеславном славянский язык предлагает другое слово: *любопрение*...

Множество слов в родном нашем языке носит в себе такие «приговоры». Только вслушаться – и познать...

В порыве сладкого страдания

Может, неприятие глубинного разбора «всеи-Этой-высокой-философии» заложено в нашем национальном характере? Как уже замечено, русскому чувству неприятен любой намек на пафосность, высокопарность.

Русскому чувству, кстати, претит не только пафос как состояние – ему само слово неприятно! Для русского уха «пафос» звучит с очевидным негатив-

ным оттенком. Хотя первоначально ничего подобного не заложено. Напротив, это слово в первоисточнике – один из сгустков греческой мудрости.

Греческое **παθος** означает одновременно и «страсть», и «страдание». Причина и следствие «в одном флаконе». И нет приобретенного позже оттенка торжества. Латынь, язык не менее развитой культуры, просто освоила это греческое понятие: *passio* – страдание, страсть. Патология – наука о страстях (зависимостях, болезнях духа и «разных излишествах нехороших») как о причинах страданий – имеет «конспект» в этимологии одного слова.

Соответственно, апатия – это всего лишь бесстрастность, а не почти клиническое безразличие, как понимается сегодня! Из того же ряда – славянские *равнодушный*, *равнодушевный*, в переводе – единоподушный; имеющий одинаковое усердие. Но в современном русском слово «равнодушный» ценностно окрашено и произносится презрительно, а вот «страсть» – это нечто изначально одобряемое, едва ли не фундамент всего мощного и красивого, что делается в мире...

Как объяснить это современнику, для которого слова *страсть*, *неистовый*, *обаяние*, *очарование*, *прелестный*, *развлечение*, *гордость*, *изумительный*, *восторг* и т.д. имеют положительные, позитивные коннотации¹⁶!

Но начнем разбирать – и услышим приговор этимологии.

Неистовый – противоположность *истовому*. А истовый – буквально – такой, как подобает; надлежащий, настоящий, истинный, неуклонно следующий правилам, соблюдающий традиции; ревностный, чинный, степенный; торжественный; наконец, совершаемый с большим рвением, крайне усердно.

Но у нас «Неистовый» – это такой «маленький, но гордый» и славный катер в море, отважно нападающий на крейсера и линкоры. И соответствующая надпись на ленточке вокруг торжествующе заломленной бескозырки матроса...

Обаяние и очарование. В русском языке глагол «обаять» изначально имел привкус обмана. В словаре В.И.Даля приведено красивое слово «обаюн» в значении «плут». Ча'рование – яд; отравление; волхование; заговаривание. Чаровни'к – отравитель; волхв; колдун. Ча'ры – волшебство; колдовство; заговаривание.

¹⁶ Иноязычный термин «коннотация» употребляю здесь, в заметках о русском языке, вынужденно. Как научный термин он точнее. Современная семиотика, наука о знаках и символах, чаще пользуется не понятием «смысл», а говорит о «**коннотации**» или «**коннотативном значении**», имея в виду то же самое – содержательность, сотворенную в речевой деятельности. Только **коннотативные значения** складываются в комбинациях, цепочках слов, т.е. являются значениями второй ступени и будто надстраиваются над значениями первичными.

Так что «обаятельная и очаровательная» – это, по сути, обманом увлекшая. Для рекламы декоративной косметики – самое то!

Прелестный – от *пре-лесть*, что значит высшая степень лжи¹⁷. Да, «обмануть меня не трудно – я сам обманываться рад»...

Развлечение – от *разволочь*, то есть растащить. Мы периодически, взяв волю в кулак, пытаемся собраться, сконцентрироваться, сгруппироваться – но есть злая сила, растаскивающая нашу собранность...

Гордость. Это слово к нам пришло как перевод с греческого. А греческое **φωβερός** буквально значит, опять же, – живущий в заблуждении, обольщении.

Изумительный – от *изумлять*, что, по Далю, сходить с ума, лишаться рассудка, обезумливать, выживать из ума...

Восторг – от славянского *исторгать, вырывать*.

Праздник, упражнение – от *порожний*, т.е. пустой. Евангельское «...И землю упражняет» (Мф 21:19) – о неплодоносной ветви.

Достаточно для примера.

...Вот против чего я не стал бы возражать, так это против нынешнего использования слова «персона».

Современное употребление этого слова приписывает ему не только уникальность и обособленность, но некую высоту и значимость, а общеизвестная ныне англоязычная аббревиатура VIP (*very important person* – «очень важная персона») указывает на человека, имеющего персональные привилегии, льготы из-за своего высокого положения, известности или богатства. Однако взгляд на этимологию слова напрочь сдувает всю важность с VIP: «пер-сона» – это маска в античном театре, буквально – откуда исходит звук.

Могут ли общаться маски? Или они разыгрывают чью-то пьесу? И разве унификация внешних атрибутов благополучия нынешних VIP'ов во всем мире не производит впечатления несвободы, заданности и чьего-то закулисного действия – не важно, малиновый ли это пиджак с золотой цепью или проход по красной дорожке какого-то гламурного фестиваля?

Возможно ли такое среди *личностей*? Наверное, нет, только среди *персон*...

...И всё же куда больше примеров прямо противоположных: когда слова, изначально нейтральные или даже с оттенком одобрения, после

НЕГРАМОТНОГО, невдумчивого, поверхностного употребления приобретали очевидно негативные коннотации!

Преступление без вразумления

...Старого кладбища уже тоже пока нет.

Есть сквер, молодые деревья на месте старых могил
о чем-то символически молчат.

Так и живем, не зная, кто от кого произошел,
определяя на глаз национальность,
сразу думая о нем худшее,
вместо того чтобы покопаться...

Михаил Жванецкий.

Леониду Осиповичу Утесову

Сразу думая худшее...

Не чрезмерно ли мы подчас гордимся тем, что «великий и могучий» щедр на слова оскорбительные, обидные, а словарь нецензурной лексики (мата), по утверждению собирателя обценной лексики и фразеологии А.Плущера-Сарно, насчитывает 12 полных томов?!

Но виртуозно оскорбить, унижить, ошельмовать можно и не прибегая к нецензурной лексике. Мы и из простых слов способны выделить и оставить в обиходе только самое худое. И слова, усыхая, скукоживаясь в смыслах, ими передаваемых, сохраняли только самое жестокое или оскорбительное из значений.

Даже нынешнее нецензурное когда-то было вполне даже цензурным!

Так, первоначально древнерусский глагол «**блядити**» значил «*ошибаться, пустословить, лгать*». И в церковных текстах можно было встретить обличения кого-то в «блядословии» – празднословии и лжи. А «слово на букву бэ», сегодня в печатном тексте еще кое-где передаваемое со стыдливым многоточием, тоже встречается в церковных книгах и означает «*обман, вздор*».

В это же самое время в славянских языках жило поживало другое, весьма похожее по звучанию, слово «**блудити**», которое означало «*блуждать*». В древнегреческом ему соответствовало два слова: одно – в значении «*сбиться с пути, плутать*», другое – «*изменять Богу, поклоняться идолам*».

Сначала оба слова «на букву бэ» существовали

¹⁷ У Даля: «пре-лесть» – жен., что обольщает в высшей мере; обольщение, обаяние; мана, морока, обман, соблазн, совращение от злого духа; старин. ковы, хитрость, коварство, лукавство, обман; красота, краса, баса, пригожесть и миловидность, изящество; что пленяет и льстит чувствам или покоряет себе ум и волю. Соответственно, «пре-лестник», «пре-лестница» – прельщающий, обольщающий собой, обольститель, соблазнитель; волокита; кокетка; женщина дурной славы.

обособленно, но затем постепенно стали смешиваться.

А у древнерусского языка для обозначения того, что сейчас именуется обоими этими словами, другие были: *прелюбы деяти, любодеяти...*

Давайте пройдем вдоль строя слов, которые пострадали – из-за злонравия людского.

Больше всего не повезло «простому человеку»...

«Подлец» означало «простой, незнатный человек». Слово это пришло к нам из польского языка в XVIII веке. Польское *podły* (первоначально «простонародный») восходит к глаголу *podać się* – «подчиниться». И Даль отмечал: в северных диалектах подлый – из бедного дома, нуждающийся, а то и вовсе нищий.

Идиот в древнегреческом – своеобразный, иной, странный, необычный; частное лицо¹⁸; просто «мирянин». Тут не обойтись без школьного курса истории: древние греки, в своем большинстве относившиеся к общественной жизни очень ответственно, гордо называли себя «политэс». Тех же, кто от участия в политике уклонялся (например, не ходил на голосования), называли «идиотэс» (то есть частными лицами, занятыми только своими личными интересами) – понятное дело, с оттенком презрения. И уже у римлян латинское *idiota* значит только «неуч, невежда», откуда два шага до значения «тупица».

Сегодня, при российской практике гражданских волеизъявлений возле урн, мы, возможно, и поспорили бы с гордыми греками, но сейчас речь о другом.

Все исконные значения греческого слова, отмеченные Фасмером, применимы к главному герою романа Ф.М.Достоевского «Идиот». Но понимаем ли мы это сегодня? Или, как все недоброжелатели князя Мышкина, оставляем только одно, фактически медицинско-клиническое звучание?

У Федора Михайловича другой роман называется «Преступление и наказание». И современный читатель толкует эту связку вполне однозначно: мол, нарушил закон – вот тебе тюремное заключение! Есть ведь государственное тюремное учреждение Управление исполнения наказаний. А изначально «наказание» – это **вразумление**. Для описания **возмездия** и **отмщения** в славянском и русском языках слов хватало. Впрочем, и само слово «возмездие» для нашего предка звучало помягче – расплата, выдача

мзды, то есть заслуженного вознаграждения. Что заработал, заслужил – то и получи.

«Поганец» – вообще по-латыни – селянин, деревенский житель, и в силу «деревенскости», как правило, язычник (*paganus* – «сельский, языческий»). Любопытно, что в русском языке «язычество и нечестие» в значении слова сохранилось с пометкой «устаревшее». Основные смыслы: *предназначенный для отбросов, нечистот или не употребляемый в пищу вследствие ядовитости, нечистоты, наконец, отвратительный, дурной*. Болгарский же язык сохранил религиозное значение «язычник, нечестивец», а новогреческий вообще вернулся к первоисточнику: **παγανός** значит «мужицкий»...

Не относилось к бранным словам и слово **«негодяй»**. Оно обозначало лишь «рекрут, непригодный к воинской службе».

Слово **«ряха»** не имело никакого отношения к лицу. Это было определение опрятного, аккуратного человека. Теперь же осталось одно «неряха», а антоним почему-то приобрел совершенно неожиданный смысл...

Нелицеприятный. Сегодня нередко можно слышать: у нас состоялся нелицеприятный разговор. И мы всей интуицией понимаем: разговор был неприятный, возможно на повышенных тонах и даже с переходом на личности.

Изначально же, в буквальном и вполне прозрачном значении, это прямой аналог слова *«беспристрастный»*, т.е. справедливый, разбирающий суть вопроса, без личностного отношения к выясняющим правду сторонам. То есть такой, каким должен быть справедливый суд.

Пошлость. От древнерусского «старинный, исконный; прежний, обычный». Во времена В.И.Даля уже происходило постепенное смещение смысла. Одновременно в ходу было «Пошлый парень, пошлая девка» – т.е. дошлый, зрелый, возмужалый, во всех годах; и тут же: «Ныне: избитый, общеизвестный и надокучивший, вышедший из обычая; неприличный, почитаемый грубым, простым, низким, подлым, площадным; вульгарный, тривиальный».

Кондовый. От диалектного *конда* – боровая сосна, крепкое, смолистое дерево: сделанный из плотной, прочной древесины и с малым количеством сучков. Образное употребление слова породило смысл «старинный, исконный», но ныне это слово употребляется как синоним «дремучего, грубоватого, неотесанного, неутонченного» человека...

¹⁸ Известнейший миссионер современности о. диакон Андрей Кураев именно с возвращения этого исконного значения старинному слову начинает свою авторскую телепередачу «Со своей колокольни» http://kuraev.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=197.

Подобострастный. Сегодня это ветхое слово употребляется редко, но всегда в значении *лебезящий, заигрывающий*. Хотя слово прозрачно и означает всего лишь «подверженный той же, подобной страсти – страданию», и даже – «столь же хрупкий»¹⁹. Про страсть-страдание мы уже упомянули, так что можно сказать, подобострастный – это соратник, со-мученик, товарищ по страданию.

Восвояси и поделом. Двадцатый век отлучил очень многих от чтения на старо- и церковнославянском. А это славянизмы, сохранившие сложные падежные формы. И «во свояси» – это «к себе», а «по делом» – «по делам». Современному же человеку в этих нейтральных русских словах, как Щукарю в иностранных, реально видится суровая действительность: восвояси – значит, напрасно, с пустыми руками, несолоно хлебавши; поделом – значит, «так тебе и надо!», с оттенком злорадства...

Исчадие. Сегодня употребляется преимущественно в сочетании «исчадие ада» и, по ложной аналогии со словом «чад» (т.е. удушливый дым), воспринимается строго негативно. Хотя происходит от слова «чадо». И исчадие – всего лишь *плод чрева, дети...*

Барахло и рухлядь. Как не вспомнить культовый диалог доброго Айболита и коварного Бармалея в советской кинокартине «Айболит-66»! «Разве это добро? – вопрошает доктор. – Это просто барахло!» Но этимологически *борошень* – домашняя утварь, пожитки, скарб, а *рух* – движение, соответственно, рухлядь – движимое имущество. Помню, встречал в старинных текстах фрагменты, где, например, меха называли «мягкой рухлядью», и без всякого презрения!

Глумиться и осклабиться. Первое слово происходит от церковнославянского *поглуми'тися* – рассуждать; размышлять; подумать. И даже общеславянское *глумить* – смеяться, забавляться (от *глум* – шутка) – еще не носит того смысла, в котором слово живет сейчас: издеваться, зло насмехаться. Осклабить (от старославянского *склабитися* – улыбаться) – широко улыбнуться, выразить улыбку, усмешку (на лице, во взоре). До XIX века это слово употреблялось без всякой экспрессии и только в начале XIX века приобрело ироническую, а то и презрительную окраску.

...Грустно. И жалко. Не столько самих слов жалко, сколько их первоначальных смыслов. Они рождены были сильными и особенными, выражали оттенки, называли нечто, прежде не освоенное речью, и вот – стали *пошлостью* и *глумлением*.

Словно из милого ребенка, которому суждено было красивое и светлое будущее, нерадением и злонравием воспитателей вырастили грубияна и охальника.

Казалось бы, пустое! Мало ли слов родилось и ушло? «Уж сколько их упало в эту бездну, Разверстую вдали...» То, что мы не знаем истории слова *идиот*, не мешает нам нормально им пользоваться. А уж о словах *барахло* и *рухлядь* вовсе можно не жалеть...

Но есть одна сфера, в которой цена слова равна цене самой жизни. Это сфера религиозная. И могу утверждать: очень часто люди, претыкаясь о какое-то слово, не просто извлекают из него смыслы «а-ля Задорнов», но и немедленно готовы размахивать, как саблями, этим своим пониманием и считать себя вправе поносить, уничтожать само верование и упование других.

Это уже не область чистой эрудиции. Это сфера напряженной работы духа и разума. Иногда – отправная точка крутого поворота судьбы. И здесь не просто опрометчиво, а – опасно путаться в смыслах.

Гармония или притерпелость?

«Смирение – самая страшная сила, которая только может на свете быть!»

Ф.М.Достоевский.

Из подготовительных записей к роману «Идиот»

Опять же надо начать с этимологии термина. Совсем кратко – не получится.

Общегражданские словари производят слово **религия** от латинского *religare* – соединять, восстанавливать связь (*ligare* – связывать, соединять). Однако богословы готовы рассказать о термине подробнее.

«Существует несколько точек зрения на происхождение слова «религия» (от лат. **religio** – совесть, благоговение, благоговение, религия, святость, богослужение...). Так, знаменитый римский оратор, писатель и политический деятель I в. до н.э. Цицерон считал, что оно является производным от латинского глагола *relegere* (вновь собирать, снова обсуждать, опять обдумывать, откладывая на особое употребление), что в переносном смысле означает «благоговеть» или «относиться к чему-либо с особым внимани-

¹⁹ О.Седакова. Церковнославяно-русские паронимы. Материалы к словарю. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина. 2005.

ем, почтением». (...) Известный западный христианский писатель и оратор Лактанций (+330 г.) считает, что термин «религия» происходит от латинского глагола *religare*, означающего «связывать», «соединять». Поэтому и религию он определяет как союз благочестия человека с Богом. Подобным же образом понимает существо религии и блаженный Августин (+430 г.), хотя он считает, что слово «религия» произошло от глагола *reeligere*, т.е. воссоединять, и сама религия означает воссоединение, возобновление когда-то утерянного союза между человеком и Богом. Таким образом, происхождение слова «религия» указывает на два основных его значения: соединение и благоговение, – которые говорят о религии как о таинственном духовном союзе, живом, благоговейном единении человека с Богом»²⁰.

Таким образом, слова из книг священных, святых (кстати, **святой** в буквальном значении – особенный, исключительный, не повседневный²¹) – это мосты, наведенные между нами и Создателем. И тут не обойтись «приблизительным» знанием. На неведомый, опасный мост не вступим, а мост, ведущий не туда, опаснее вдвойне. И как по реальному мосту, нужно идти с *благоговением* и с *ревностным* желанием вос-соединиться...

И – Промыслом, не иначе! – наше земное Отечество явило собой пример великой битвы за Истину, где полем стали не только «сердца людей» (Ф.М.Достоевский), но и родная речь! Слово Благовестья, принесенное из далекой Палестины, через пышную и велеречивую Византию, на стенах которой князь-язычник Олег прибил свой щит, через равноапостольных подвижников Кирилла и Мефодия, высекло такую искру в северной русской душе, что пламя еще до сих пор не гаснет.

В XVII веке, при Патриархе Никоне, когда случился в Русской Православной Церкви раскол,

греческих ученых народ не пускал в храм – как еретиков! И исправление греками, на чьем языке и появились первые записанные Евангелия, даже очевидных неточностей в богослужебных книгах не принимал²². Причем протестовали не только действительно «жившие во Христе». Пожалуй, отчаяннее других выступали заматерелые язычники, приноравливавшие единобожие и благоговение к своим верованиям, а византийскую обрядовость – к «земледельческому календарю», приметам, бытовой магии и прочим, по слову апостола Павла, «негодным и бабым басням»...

Борьба за «свою» Истину – до крови, чужой и собственной, схватка в главном и в малозначущих деталях – все это отличительные стороны становления русского православия. Такой уж характер! Но за 1000 лет явлены такие образцы святой жизни и мудрого слова...

Здесь в качестве ремарки можно вспомнить, что библейский праотец Иаков, ставший родоначальником двенадцати колен богоизбранного народа, получил от самого Создателя имя «Израиль», что означает «борющийся с Богом»...

Основой и катализатором этой непрекращающейся битвы, в которой вызревал «великий и могучий», в которой золото русского духовного подвига выплавлялось в схватках с «преданьями старины глубокой», становилось столкновение... душ, русской и византийской. По мнению Г.Федотова, «трудно представить себе большую противоположность, большее напряжение, нежели то, которое существует между великорусской и византийской душой – и соответствующими им языковыми стилями»²³. И тот славянский язык, которым воспользовались свв. Кирилл и Мефодий, был языком если не дикарским, то уж точно варварским, «представлявшим огромные трудности для передачи «тонкословия греческого»... С XVIII века русский язык стал великим культурным языком: языком мысли и поэзии... Славянский

²⁰ Учебник проф. А.Осипова по догматическому богословию «Путь разума в поисках истины», М., 1997.

²¹ «...Когда вслед за Таинствами мы именуем святым многое другое, то имеем в виду именно особенность, отрезанность от мира, от повседневного, от житейского, от обычного – того, что называем святым... Святой – это прежде всего «не». Этому «не» в понятии святости соответствует и самое производство еврейского слова «кодеш» (святой) или «кадош» (святыня). Глагольный корень «кдш» сближают с корнем «хдш», так что обоим приписывают значение «инобытия». Первый – в противоположность тому, что обычно, второй же – в противоположность тому, что было». о.П.Флоренский. Цит. по А. И. Осипов. Святые как знак исполнения Божия обетования человеку. http://azbyka.ru/terkov/svyatye/5g10_1-all.shtml

²² Москвичи придирчиво и беспощадно критикуют и все детали исправлений, к тому же еще несогласных внутренне между собой («сами ся ратуют»). Разумеется, при сплошном переводе многих текстов заново с греческого оригинала словесная оболочка часто сильно изменялась, особенно для слуха... Отвергались все чисто орфографические поправки и поправки в ударениях. Было: «з душею», поправлено «с душею». Было «Давыд», стало «Давид». Было «во веки, во дни, по чину», стало: «во веки, во дни, по чину» и т. д. Это, казалось, обличало справщиков, что они «не могли хорошо рассудить между православием и ересью». А. Карташев. История Русской Церкви. <http://krotov.info/library/k/kartash/kart204.html>

²³ Федотов Г.П. Славянский или русский язык в богослужении.

язык остался, при всех своих исторических изменениях, в основном тем же самым языком варварского болгарского народа, каким застал св. Кирилл. Наш парадокс заключается в том, что язык варварского (в IX веке) народа остается языком утонченной литературической красоты, а язык великого русского народа – в XX веке – все еще непригоден к восприятию греческой поэзии!..»²⁴

В словаре церковнославянских паронимов (паронимы – сходные по звучанию, но разные по значению слова, так сказать, «ложные друзья переводчика») Ольги Седаковой присутствуют не только очевидные смысловые загадки, но и те слова, которые на первый взгляд кажутся понятными. Так, значение слова «тихий» в современном языке отнюдь не идентично церковнославянскому: в выражении «тихая пучина постная» речь идет о спокойном море; «Свете тихий» означает «радостный, тот, в котором отсутствует угроза». Прилагательное «теплый» – что может быть проще для понимания современного человека? А церковнославянское «тѣплое умиление» к «тѣплому» и «умилению» в современном значении никакого отношения не имеет, поскольку переводится как «пламенное сокрушение»²⁵.

Еще несколько таких наблюдений приводит Г. Федотов: «**Нужны специальные знания и настоящие усилия воли** (выделено мной. – Н.Г.), чтобы, слыша в славянском тексте слова «напрасная смерть» подставлять под них «внезапную»; понимать «озлобленных» как «страдающих», «лесть» как «обман», «смиранных» как «низких» и т. п.

Без этого знания или усилия эпитет «смиранный», прилагаемый к самому говорящему или пишущему лицу («смиранный монах имярек»), получает оттенок превозношения: для нашего уха смирение – христианская добродетель, а не синоним убожества. Слова «окаянный» или «непотребный» в применении к самому кающемуся («окаянная моя душа» и «раби непотребнии») звучат для нас излишней жестокостью или грубостью. В славянском «окаянный» имеет значение «несчастный», а «непотребный» – «негодный». В русском языке оба слова приобрели характер ругательств, стоящих на грани приличия. Такова же судьба слова «похаб», применяющегося к святым юродивым, но получающего гнусный характер на языке русском. Более тонкий случай представляет слово «раб» в сочетании «раб Божий». Наше представление о рабе

весьма отлично от библейского, патриархального. Для большинства из нас оно отягчено бесчеловечным и безнравственным смыслом римского, например, понятия о рабовладении. Европейские языки не переводят латинское *servus* словом «esclave», «Sklave» и т. п., а передают его через «le servant», «der Diener». Но этот случай выходит из чисто языковой сферы; здесь имеет место не столько пере рождение слов, сколько самих понятий»²⁶.

Вот оно, прозвучало. Слово, о которое преткнулись многие. И, увы, чем меньше было проникновение в его смысл, тем большую бурю гнева оно подымало.

Нет, не слово «раб». Тут все понятно: истинный раб, с рабской душой, всегда горячо протестует, как только его услышит. Даже если слово звучит в исторических хрониках.

Это слово – **смирение**.

Смирение, противостоящее главному из смертных грехов – гордыне – и побеждающее его, не просто вершина христианских добродетелей, но и главное оружие в борьбе со злом! Обличители не устают повторять: мол, что это за главная добродетель христиан? Примиренчество, «притерпелость», отказ от сопротивления, покорность – и вы только щеки подставляете унижающим вас, сохраняя внутренний, только вам известный мир в душе...

В известном смысле, такое право у них есть – если они ориентируются на метаморфозы, например, в латыни. Вот какой генезис в латинском понятии смирения: Ит. (неаполитанское) *omerta* – молчание; круговая порука от *umilta* – смирение < лат. *humilis* – низкий, униженный.

Но с латинянами мы не только в этом разминувшись...

«Новые этимологи», поклонники восточных культов и панславизма рады просто подсластить пилюлю, буквализировав слово без его истории: «Этимология этого слова отвечает сама за себя – С МИРОМ ЕДИНЕНИЕ!.. Поэтому смирение – это согласие. С собой, с людьми, которые вас окружают, с жизнью... какой бы она ни была!»²⁷

Неужели такое смирение мог назвать «самой страшной силой» Достоевский?!

Нет, конечно. И этимология слова – иная.

Начнем с самого официального, общепризнанного источника – с этимологического словаря Фасме-

²⁴ Там же.

²⁵ О.А. Седакова. Церковнославяно-русские паронимы. Материалы к словарю. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина. 2005.

²⁶ Там же.

²⁷ <http://otvet.mail.ru/question/36879950/>.

ра (авторитетность словаря, впрочем, не мешает «новым этимологам» пренебрегать этой книжкой).

«Происходит от гл. смирить, из др.-русск. съмѣрити «умерить, смягчить, подавить», из мѣра «мера», далее из праслав. формы, от которой в числе прочего произошли: др.-русск., ст.-слав. мѣра (др.-греч. μέτρον), русск. мера, укр. міра, мірити, болг. мѣра, сербохорв. мјѣра, словенск. мієга, чешск. міга, словацк. мієга, польск. miara, в.-луж., н.-луж. měra. Русск. смирить, смирение и т. п. сближено с мир по народной этимологии (выделено мной. – Н.Г.).

Некоторые языковеды, рассматривающие этимологию лишь как исторический путь слова, вне его связи с обозначаемым предметом, и уж тем более опасаясь подозрения в религиозной тенденциозности, готовы смириться (в значении *согласиться* «с жизнью... какой бы она ни была») с произошедшими метаморфозами:

«...Но могут быть переосмысления слов и от своих корней, если значение их затемнено; например, мы теперь понимаем слова *свидетель*, *смирение* как образованные от корней *вид(еть)* и *мир(ный)*, но это то же переосмысление по созвучию безударных е и и, так как этимологически эти слова восходят к корням *вед(ать)* и *мер(а)*. Последний пример показывает, что в тех случаях, когда та или иная народная этимология побуждает и становится общепринятой, слово порывает с прежней «законной» этимологией и начинает жить новой жизнью в кругу «новых родственников», и тогда истинная этимология может интересовать только исследователя, так как практически она противоречит современному пониманию...»²⁸

Но понимание религии как восстановления той жизненно необходимой связи, без которой наше знание останется тщетным и вос-соединения не произойдет, – протестует против такого согласия!

И ответ – на поверхности. Словом «смирение» (в современном написании) переведены два разных греческих слова из первоисточника, Священного Писания: Tapeinosis – униженность, бедность, убожество; поражение, унижение. Simmetria – смирение как добродетель²⁹!

²⁸ А.А.Реформатский. «Введение в языковедение».

²⁹ См. О.А.Седакова. Церковнославяно-русские паронимы.

³⁰ В «Кратком Оксфордском словаре» симметрия определяется как «красота, обусловленная пропорциональностью частей тела или любого целого, равновесием, подобием, гармонией, согласованностью» (сам термин «симметрия» по-гречески означает «соразмерность», которую древние философы понимали как частный случай гармонии – согласования частей в рамках целого). Симметрия является одной из наиболее фундаментальных и одной из наиболее общих закономерностей мироздания: неживой, живой природы и общества. Ее математическое выражение – теория групп – была признана одним из самых сильных средств познания первоначально в математике, а позднее – в науке и искусстве.

Нужен ли дотошный перевод и комментарии к слову *simmetria* – ключевому понятию той же древнегреческой эстетики (и этики, к слову!), а также базовому понятию «внерелигиозных» точных наук – математики, физики?³⁰

Уже цитировавшийся И.С.Тургенев писал: «Древние греки недаром говорили, что последний и высший дар богов человеку – чувство меры». Симметрия – гармония – мера. Вот к какой добродетели, к какому духовному подвигу призывает понятие *смирение!* А *самоуничужение* – это из другой области...

Довольно злобы, или Легче через игольное ушко...

Раскачивается вагон.
Длинный тоннель метро.
Читающий пассажир выклеывает по слову...
Мы пишем на злобу дня
и – на его добро.
Но больше, правда, – на злобу,
на злобу,
на злобу!..

Роберт Рождественский

Есть еще несколько ключевых слов и притч в Евангелии, где «с кондачка», то есть не разобравшись, не вникнув, – не получится.

Слово «**злоба**», в современном языке однозначно описывающее «чувство гневного раздражения, враждебности по отношению к кому-либо», присутствует в одной из евангельских притч (т.е. афоризмов, по-современному). Спаситель учил: «Довлеет дневи злоба его» – «Достаточно дню его забот» (или, в максимально учитывающем контекст переводе с церковнославянского, «Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем, довольно для каждого дня своей заботы»).

В церковнославянском слово «злоба» имеет три значения. Называемое в словарях первым – в силу привычности: злодейство, лукавство. Но есть и два других: бедствие и – забота, тягота, в древнегреческом передающиеся одним словом *κακία*.

Это существительное произведено от прилагательного со значением «плохой, злой, гибельный, позорный». Само же **κακία** означает, если верить словарю, «низкое качество, ошибка, дурной умысел, злодеяние». Только в применении к рассматриваемому фрагменту Нового Завета словарь даёт толкование «огорчение, забота, злоба». Обратим внимание на то, что у этого слова – ярко негативная окраска.

В.Виноградов в «Истории слов» цитирует «Церковный словарь» Петра Алексеева (1794), где можно прочесть под словом «злоба»: «Инде значит труд, печаль, скуку. Матф. 6, 34. *Довлеет дневи злоба его*. Ибо евреи все то, что весело и приятно, называют *благом*, а что скучно, трудно и досадно, *злом* или *злобою* именуют»³¹.

«Злободневный», по советскому Ожегову, – «составляющий злобу дня (без отсылки к первоисточнику и без толкования опасного омонима! – Н.Г.), представляющий существенный интерес в данный момент». Даже пометки *книжн.* нет. В значении «актуальный, своевременный, отвечающий важнейшим запросам дня» слово и поныне довольно активно используется в общественно-политическом обиходе.

При этом у Даля этого выражения нет! И неудивительно: выражение ввели в обиход газетчики, для стилистических виньеток (или для насмешки над «высоким стилем») частенько обращавшиеся к общеизвестным церковнославянским текстам. И ввели совсем недавно – каких-то сто с небольшим лет назад.

И что же выходит? Житейский смысл евангельского поучения: не будь настолько многозаботливым, чтобы мыслью устремляться к будущим хлопотам, когда есть еще над чем потрудиться сегодня. Или, как неустанно повторял святитель Феофан Затворник о том, что суета – «...не дела, а образ совершения их. Когда одно дело делается, а сотни толпятся в голове... Надо все те прогнать, а одно делать, и притом руками делать, а умом быть в своем месте».

Но есть и другой, всегдашний лейтмотив, присутствующий в притчах Спасителя, призывавшего искать прежде всего Царствия Небесного и правды его: трудисься – трудись, но оставь место в своей жизни Духу и Промыслу, не становись сплошь земным.

Другое знаменитое выражение – из евангельской притчи о богатом юноше, спросившем Спа-

сителя – что сделать доброго, чтобы иметь жизнь вечную? Но узнав, что для достижения этого намерения придется оставить богатства мира сего, приуныл и отошел. И сказал Спаситель: **«Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царствие Небесное»** (Евангелие от Матфея, гл. 19, ст. 24; Евангелие от Луки, гл. 18, ст. 25).

У вдумчивого читателя должно возникнуть несколько вполне законных недоумений.

Во-первых, зачем вообще верблюду проходить сквозь игольное ушко? Этот пример никак не вписывается в ясные и прозрачные притчи Спасителя (для современного человека книжное слово «притчи» понятнее было бы перевести как «поучительные анекдоты»). К слову, популярное «*хохма*» ведет свое происхождение от еврейского слова, как раз и означающего: *шутка*, афоризм, меткое краткое выражение).

Во-вторых, если уж приведены настолько непоставимые по размерам «объекты», то логичнее было бы услышать – мол, богатому ТАК ЖЕ НЕВОЗМОЖНО войти в Царствие Небесное, как верблюду – наверное, самому большому из известных в Палестине того времени животных – пройти сквозь игольное ушко – явно самое малое отверстие, различаемое невооруженным глазом. И все слушавшие без вопросов и колебаний усвоили бы – всё, богатому путь в Небеса закрыт полностью.

Так и понимают сегодня многие! И грозят людям состоятельным, даже всего добившимся своим трудом – не смейте и думать о Царствии Небесном.

Но ведь нет в тексте слова «невозможно»!..

Согласно одной из версий – историческо-археологической, в Иерусалиме существовали узкие ворота, сквозь которые могли пройти только люди, но никак не вьючные животные, а тем более повозки. Ворота выполняли функцию таможни, ограничивая собою габариты проносимого через них. Через эти ворота, которые именовались «*игольным ушком*», верблюд всё же мог проползти, что для него было чрезвычайно трудно.

Если всё это действительно так, если предположить, что Иисус имел в виду именно эти малые узкие ворота, то это означает не невозможность, а всего лишь трудность, при которой нужно сбросить с себя весь груз и встать на колени, отказавшись от всяких удобств.

Сторонники такого толкования считают его впол-

³¹ Виноградов В.В. Основные этапы истории русского языка. (Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. – М., 1978. – С. 10-64). <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradov-78a.htm#4>.

не удовлетворительным: мол, именно этого подчас и не хватает богатому человеку – сбросить с себя груз своего богатства, встать на колени перед другими, пожертвовать земными благами, комфортом и удобствами жизни.

Формально – вроде бы все складно.

Конечно, если существовали такие ворота и караваны с грузами, по каким-то причинам, там должны были развьючивать верблюдов, то богатый юноша не мог этого не знать. И слова Учителя должны были бы прозвучать именно для него особенно внятно, предельно доверительно, «индивидуально» – даже если другим случайным слушателям, победнее и не столь осведомленным в делах торгово-таможенных, этот образ был тѐмен.

И в старинных православных храмах, а особенно в монастырях, входы делались и тесными, и с низкой притолокой – чтобы даже цари и вельможи не могли войти, не поклонившись святому месту. Может, в том числе, в память о тесных воротах в иерусалимской стене и в согласии с афоризмом Спасителя?

Но не всё принимают сердце и разум в этой версии. Наверное, из-за какой-то искусственности, натяжки. Почему не сказано – сквозь узкие ворота или ворота, именуемые «Игольное ушко»? Зачем сравнивать человека, пусть и не готового принять Истину, с вьючным животным, которое, к тому же, не самостоятельно освобождается от груза и только понуканием погонщиков, вопреки естеству, ползет на коленях сквозь узкий проём?

В таких толкованиях Иисус предстал бы высокомерным да, вдобавок, издевающимся над человеком, пришедшим к нему с вопросом простодушным, а не искусительно-фарисейским...

Трактовку про Иерусалимские ворота поддерживают сами священники – многие люди вспоминают, что именно так им объясняли значение этой метафоры в воскресной школе. Однако историки говорят, что в письменных источниках нет упоминания о воротах в Иерусалиме с таким именем.

Есть каббалистическое, нумерологическое – не лишенное оригинальности, кстати, – толкование, исходящее из начертания букв еврейского алфавита.

В еврейском алфавите буквы «гимел» и «коф» первоначально обозначали слова «верблюд» и «игольное ушко». Может, древнее написание букв было нагляднее современных крестиков-ноликов и все окружающие увидели это? Чертил же что-то

на песке Спаситель, когда привели к нему на суд женщину, схваченную за прелюбодеяние? Или, с учетом запредельного символизма букв, имеющих едва ли не сущностное отношение к мирозданию, притча Учителя, по этому толкованию, должна была быть произнесена вслед не только богатому, но и явно книжному юноше и пояснить какие-то богословские тонкости? А неграмотные слушатели просто добросовестно запомнили непонятное выражение и пронесли его через века в полной сохранности?..

Пусть эта версия, со ссылкой на Энциклопедию иудаизма «Меир натив», останется там, где она органична, – в базе вопросов для состязания эрудитов «Что? Где? Когда?»³²

Все-таки Новый Завет – не Книга пророка Даниила, где не только написанные на стене слова на древнем языке – «мене, мене, текел, упарсин», – но и буквы играют важную роль.

Самая ясная из версий связана ... с неточностью перевода. По-гречески *καμελοζ* означает «верблюд», а *καμιλοζ* – якорный канат. Важное замечание автора этимологического словаря Фасмера: звук после «μ» произносится нечетко – и как «е», и как «и». В общем, опять – смЕрение и смИрение.

Но фраза «*Легче канат протянуть сквозь игольное ушко...*» и далее по тексту будет понятна всем: и осведомленным в хитросплетениях иерусалимских таможенных проходов, и изощренным в начертаниях букв, и главное – тем простым рыбакам-апостолам, знакомым с детства с якорным канатом, а не верблюдами.

Более того, есть еще один любопытный факт в поддержку этой версии: в арамейском языке слово *gmla* означало и канат, и верблюда – вероятно потому, что канаты делались из верблюжьего волоса³³.

И останется только один наивно-детский вопрос: неужто такая деталь, сегодня знакомая любому, кто захотел прояснить для себя темное место в Писании, не была учтена Синодом, по благословению которого русский текст Евангелия издается с XIX века?

И можно было бы оставить вопрос без ответа. В одном мудром еврейском анекдоте описана подобная ситуация. Приходит юноша к местечковому раввину и спрашивает: «Ребе, в чем смысл жизни?» И раввин отвечает: «Мой мальчик, неужели ты хочешь обменять такой хороший вопрос на мой глупый ответ?»

³² <http://db.chgk.info/tour/balt09-1.3>

³³ <http://www.biblicalhebrew.com/nt/camelneedle.htm>

Действительно, может, надо самому покопаться, поискать? А там – и другие вещи из сказанного Учителем вызовут необходимые размышления.

Прекрасно об этом сказал Андрей Вознесенский:

*В ответы не втиснуты
Судьбы и слёзы.
В вопросе – и истина.
Поэты – вопросы...*

Но у меня все же осталась одна версия, не из лингвистики.

В латыни нет ничего подобного изящному камбуру в греческом (и арамейском). Верблюд так верблюд, канат так канат, абсолютно разные слова. Соответственно и афоризм Спасителя переведен с «верблюдом». Но времена на Руси уже не Никоновские – ни справщики не заступятся, ни греческие хранители первоисточников не поправят. А латиняне, Европа – рядом, за прорубленным Петром Великим окном. И на них оглянулись, приняли латинскую версию.

Как и в следующем случае...

Многая знания – многая печаль, и кто умножает знание – умножает скорбь. Это выражение из Екклесиаста – едва ли не лидер в списке наиболее часто приводимых цитат из Священного Писания. Несколько чаще звучит в будничной мудрости присказка, которая считается «русским аналогом» этого афоризма – «Меньше знаешь – крепче спишь».

Однако если разобраться с первоисточником, довольно легко убедиться: Екклесиаст (Проповедник) вовсе не оправдывал распространенное неуважение к знанию.

Сравним два текста.

Синодальный перевод, 1876:

И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это – томление духа; потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь.

Церковнославянский текст:

И сердце мое вдах, еже ведети премудрость и разум: и сердце мое виде многая, премудрость и разум, притчи и хитрость: уразумех аз, яко и сие есть произволение духа: яко во множестве мудрости множество разума, и приложивый разум приложит болезнь.

Так печаль или разум? Скорбь или болезнь?

В греческом оригинале заключительный фрагмент высказывания выглядит так: *ὅτι ἐν πλήθει*

σοφίας πλήθος γνώσεως καὶ ὁ πρόσθῃσι γνώσιν προσθήσει ἄλγημα.

Слово *γνώσεως* – многозначное: не только (по)знание; узнавание; (личное) знакомство; отчетливость, ясность; известность, слава, но и юридические термины – расследование, дознание, следствие; распоряжение, указ. Но значения печаль и близко нет.

Слово *ἄλγημα* – боль, страдание, и оно лучше переводится словом *скорбь*, поскольку включает в себя и сокрушение сердечное, и недуг телесный (по В.И.Далю, *печаль, грусть, тоска, туга, жаль, горе, кручина, сокрушение, боль – как сердечная, так и телесная, хворь, немочь и немощь, недуг*).

Исследователи обратили внимание на то, что в Вульгате (латинском переводе Библии), а вслед за тем и в европейских (в частности, английских) переводах происходит смещение акцентов: *γνώσεως* – отчетливое знание и разум уже превращается в «раздражение, гнев», а *ἄλγημα* – скорбь становится «тяжестью», «трудностью», родственной труду, работе вообще.

Вывод напрашивается такой: авторы церковнославянского перевода обращались к греческому первоисточнику как наиболее авторитетному – и перевели его адекватно. А Синодальный перевод 1876 года был сделан с известной оглядкой на европейские переводы, где смысл слов *γνώσεως* и *ἄλγημα* последовательно сближался: то есть *знание* и *боль* были как бы в подсознании переводчиков тождественны – отсюда и родилось «во многом знании много печали».

Но мудрейший Соломон, которому приписывают авторство книги Екклесиаст, если внимательно вчитаться в его изречения, не выглядит разочарованным собственными познаниями. И зачем ему предостерегать слушателей от пытливых размышлений и поиска знания?

«Познал я, что все, что делает Бог, пребывает вовек: к тому нечего прибавлять и от того нечего убавить, – и Бог делает так, чтобы благоговели пред лицом Его» (Еккл. 3: 14). Обретший в своем сердце Бога вместе с мудростью обретает и истинную радость, а не печаль, как думают пессимисты, не познавшие Бога: «Кто – как мудрый, и кто понимает значение вещей? Мудрость человека просветляет лице его, и суровость лица его изменяется» (Еккл. 8: 1).

Ответ, на мой взгляд, лежит в сопоставлении славянского и русского переводов **совсем в других словах**. Заметьте, в церковнославянском употреблено слово *произволение духа*, в Сино-

дальном – томление. От томления, действительно, короткий путь к скорби, раздражению, тяжести. Но произволение – это тоже абсолютно адекватный перевод греческого слова *προαίρεσις* – (свободный) выбор, (личное) решение, намерение; по собственной воле и преднамеренно.

В словаре В.И.Даля – исчерпывающее толкование старинного слова *произволение*, синонимом имеющего прекрасно знакомое нам *произвол*³⁴.

И вот теперь, кажется, мы начинаем приближаться к пониманию мысли Соломона. Пылливость ума, обращенная на поиск земной мудрости, превращающаяся *из доброй воли в произвол, самоволие*, направленная только на земные «притчи и хитрости», действительно, приводит к скорби и разочарованию. А «просветляющая лице» мудрость – это то, о чем спустя века после Соломона скажет Спаситель: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все (все необходимое для жизни земной) приложится вам» (Мф.6,32-33).

Как далеко до «народной этимологии» – «Меньше знаешь – крепче спишь»...

Это всего лишь несколько примеров. Одни из самых распространенных, едва ли не обиходных мудрых наставлений, для уяснения которых нужно намерение вчитаться, вдуматься, не скользнуть поверх. И результат оправдает труды, не к печалям и скорбям приведет, а к внутреннему росту. И злости меньше будет неоправданной, и игольного ушка не будет так страшно.

Мне не хотелось бы, чтобы у читателя сложилось ложное впечатление: мол, кто-то внешний постоянно «портил» хранимые церковным народом слова и понятия. Увы, недобросовестные исполнители обрядов частенько были сами виноваты в том, что чистые и святые слова извращались.

Вот в начале главы было употреблено выражение «с кондачка». Довольно распространенное выражение, и смысл его всем понятен: делать что-то, не подумав, не разобравшись, не вникнув, т.е. легкомысленно, несерьезно. В прежние времена этот фразеологизм означал ещё и бесцеремонность в поведении или обращении с кем-либо, но до наших дней эта трактовка не сохранилась.

В словаре Фасмера можно прочитать, что «кондак – краткая песнь во славу Спасителя, Богородицы или святого». Происхождение слова – гречес-

кое, от *κόνταξ*, означающего «гимн, повтор», и *κοντόξ*, т.е. «палочка, жердь». От палочки-жердочки произошло название пергаментного свитка с текстом песни, поскольку свиток на неё наматывался. А сборник кондаков назывался кондакарь³⁵.

Словом «кондак» в православном богослужении стали обозначать особую группу церковных песнопений. Сначала они были длинными, потом стали короткими: всего одна-две строфы в составе канона, посвященные определённому празднику или событию церковного календаря, обозначающие главную тему празднования. Кондак входит в состав Литургии Часов, почти в самом конце каждого из Часов располагается кондак. И если первому Часу предшествовала долгая Всенощная, священникам случалось просить для краткости начать чтение его «с кондачка»³⁶.

Для краткости – проматываем побыстрее свиток на палочке...

Иногда такая краткость и торопливость – небескорыстна. Из того же околоцерковного обихода в нашу речь пришло слово **халтура**. Вряд ли необходимо приводить его актуальные значения, они общеизвестны.

Чтобы понять происхождение слова и возникший иронично-презрительный смысл, нужно представить себе весьма распространенную ситуацию.

В селе умер человек, и перед погребением его по церковному обряду нужно провести особые поминальные службы. Изначально длительность таких скорбных служб была весьма внушительной, что и понятно: они, эти слова, воспоминания, наставления и рассуждения, – обращены не к покойному, а к тем, кто пришел помянуть, отдать дань уважения. И, естественно, важно обратить внимание собравшихся на то, что – вот он, момент истины: как бы и сколько бы мы ни жили, но все оставим эту землю, и нужно задуматься – как же мы живем? Соответственно, поминальные службы длинные, торжественны, насыщены святыми наставлениями – и включают в себя поминание (пусть и в перечислении) многих поколений родных, которые уже упокоились, но вспоминаемы в такой светлый и скорбный час. И списки этих поколений – весьма длинные: в любой традиции, даже языческой, память о предках – свята, и

³⁴ **Произволение** ср. **произвол** м. соизволение, согласие. || Произвол, своя воля, добрая воля, свобода выбора и действия, хотение, отсутствие принуждения. Дело отдано на его произвол, как хочет. В поступках его виден полный произвол, самоволие, необузданность или деспотизм; он не стесняет воли своей ничем.

³⁵ Это слово, кстати, присутствует и в энциклопедиях и словарях – у Брокгауза с Ефроном, Даля и у Ушакова, но не связывается с фразеологическим оборотом «с кондачка».

³⁶ **Валентина Пономарева**. Почему мы говорим «с кондачка»? <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-17548/>.

по случаю нужно записать в листочек как можно больше имен.

И вот батюшке – а то и семинаристу – доводится эти списки читать. А по сельской традиции неподалеку уже накрывается поминальный стол, по обилию яств и напитков соперничающий со свадебным. И всех – в том числе семинариста – угостят на дармовщинку, не скупясь. И вот начинает тец скороговорку, особенно при чтении поминальных списков. Торопливо, иногда скомканно. Но собравшиеся не склонны осуждать читающего: чем быстрее он завершит, тем раньше все сядут за стол.

Вот такая картинка в этимологической словарной статье выглядит скромно и прозрачно: «Халтура – *диал.* «поминки», «похороны», «даровое угощение на похоронах». Укр. хавтур(а) – «плата священнику», блр. хаўтуры – «праздник всех святых», польск. chaltury – «поминки» < от ср.-лат. chartularium «поминальный список, который священник читает, молясь за упокой». И в итоге: «халтурить» – совершать службы (особенно отпевание покойника) на дому, совершать поскорее и кое-как, чтобы успеть обойти побольше домов и получить побольше денег. «Халтурой» называлась и даровая еда на похоронах и поминках...

Торопимся, недослушиваем...

Собаку съел, или Важнейшим из искусств

Мы не только сами не сочиним ни одной замечательной пословицы, а мы даже, как оказывается, плоховато понимаем готовые.

В.И. Даль

В советское время вторым, после производства алкоголя, источником пополнения бюджета был кинематограф. Идеология государства «освятила» это важное коммерческое направление самым мощным из возможных авторитетов – авторитетом вождя. И везде – на газетных страницах, на кинотеатрах – красовалась цитата: «Важнейшим из искусств для нас является кино. В.И. Ленин».

В это было трудно поверить, если просто заглянуть в учебник истории! Даже вылизанная официальная биография вождя мирового пролетариата свидетельствовала: «когда был Ленин маленький, с кудрявой головой», он замечательно учился в классической гимназии, великолепно – в университете. В родительском доме музицировали, он любил музыку мятежного и мощного Бетховена. То есть – был воспитан на классичес-

кой литературе, искусстве. Льва Толстого назвал «зеркалом русской революции», о других писателях что-то говорил...

А кинематограф в те годы, когда Владимир Ильич мог еще выкраивать из политической борьбы и журналистской работы часы для общения с прекрасным, представлял собой едва ли не развлечение, аналогичное сегодняшним «прикольным» веб-сайтам и телеканалам! То есть – откровенное слезливое «мыло», буржуазные пиршества «хлеба и зрелищ» и «ржака-до-икоты».

«Броненосец Потемкин» Эйзенштейна вышел спустя год после смерти вождя.

И как же поверить, что Ленин мог предречь кинематографу столь почетное первое место в ряду искусств?!

Да он, собственно, и не пророчил. В Полном собрании сочинений Ленина этой цитаты нет. И лишь в воспоминаниях тогдашнего наркома культуры А.В. Луначарского присутствует смутное упоминание: мол, Ильич в одной из бесед сказал – сегодня, когда подавляющее большинство населения России неграмотно, важнейшим в просвещении для нас является кино.

В некоторых источниках я встречал: «и цирк» – чему охотно верю.

Советский Союз перестал существовать, когда о всеобщей компьютеризации и разговоров не было. Но не сомневаюсь: продлись до настоящего времени советская идеология, авторитетом вождя укрепили бы и всеобщую компьютеризацию. Главное – удачно «подрезать» фразу. Подогнать под ответ. Объявить въедливую подробность и точность – нудятиной, буржуазной сволочью, высокомерием класса угнетателей и т.п. И авторитетное слово сделать игрушкой, блесной – в нечестной игре.

Вот, например, интереснейший для разбираемых нами словесных ситуаций случай. Из жизни отца великой китайской нации Конфуция, провозглашенного «учителем 10 тысяч поколений», чей культ официально поддерживался на протяжении двух с половиной тысяч лет! Конфуцианство даже объявлено мировой религией, хотя оно полностью говорит о земном, не простираясь в темы божественные, не решая вопрос «бытия – сознания».

В «Лунь Юй» присутствует рассказ о том, как ученик Конфуция Цзы Лу задал вопрос: «Правитель царства Вэй ждет, чтобы вы занялись делами правления в его царстве. Что вы собираетесь сделать прежде всего?» На это Конфуций ответил: «**Обязательно исправлю имена!**»

И пояснил свой ответ: «Если имена не исправлены, то речь не стройна, когда речь не стройна, то и в делах нет успеха, когда в делах нет успеха, то ни ритуал, ни музыка не пользуются авторитетом, а если ритуал и музыка авторитетом не пользуются, то наказания и штрафы не достигают цели, а если наказания и штрафы не достигают цели, то народ бывает сбит с толку и не знает, что ему делать».

Разместите запрос в любом поисковике Интернета – и вы мгновенно найдете эту цитату из основоположника, только... в сокращенном виде.

В англоязычной литературе эта цитата многократно приводилась в не просто усеченной донельзя, но и вульгаризированной форме: **«Когда слова теряют свой смысл, человек теряет свою свободу»**. В такой же форме перекочевало в русскоязычные сборники афоризмов и мудрых мыслей.

Почему вульгаризированной? Потому что в то время в Китае не было иероглифа для определения понятия «свобода»! И, как свидетельствует история, этого иероглифа ни китайцам в течение двух с половиной тысячелетий, ни основателю великой культуры не было нужно. Он лишь начал с исправления имен – и исправил больше, нежели слова...

Но, как мы далее сможем убедиться, таков удел многих мудрых речений: мало того, что их не дослушивают «за нудностью и многословием», обрывая на самом интересном месте, но и переиначивают.

О каком взаимопонимании тогда может идти речь? Один дочитал до конца, другой не стал этого делать. И одно и то же слово, выражение, мысль приобретают смысл или противоположный, или неточный!

Лет двадцать назад страна отплясывала под песню, лихо сыгранную Аллой Борисовной: «Делу время, делу время, а-а-а-а потехе – ча-а-ас!..» В таком варианте мы знаменитую присказку и употребляем – с противительным союзом «а».

Но всё «не совсем так» в первоисточнике – в сборнике правил соколиной охоты под названием «Книга, глаголема урядник: новое уложение и устройство чина сокольничья пути», который был составлен в 1656 г. по приказу царя Алексея Михайловича. В конце предисловия к «Уряднику» царь собственноручно сделал приписку: «Прилог книжный или свой: сия притча душевне и телесне; правды же и суда и милостивый любве и ратного строя не забывайте: делу время и потехе час». И, словно для последующих поколений, для которых это место «темно» будет, еще раз употребил слова «время» и «час» как синонимы, как равнозначные, чуть ниже в «Уряднике»: «Время

наряду и час красоте...», то есть нужно уделять время и тому, и другому.

Забыто – за древностью, что *время* и *час* – такие же синонимы, как *жизнь* и *век* (только час и век – это уже вид полисемии, синекдоха, от греческого «перенимание», когда одно и то же слово употребляется для обозначения как целого, так и части этого целого).

Соответственно, значение монаршего слова – мудро-рассудительное: **[И]** делу время, **[и]** потехе час.

В нынешнем же – противительном – варианте слышится излишне назидательное: главное – делу, а что останется – отдыху и веселью. Было, было такое: комсомольский вечер – сначала «торжественная часть», а потом – «дискотека».

Не вчера это началось – торопливое усечение старинного наставления и забвение истоков выстраданной мудрости. Не кто иной, как сам В.И. Даль об этом говорил. И в «Напутном» (т.е. предисловии) к своему сборнику «Пословицы и поговорки русского народа» несколько примеров привел.

Есть пословица, часто звучащая как **«На тебе, боже, что нам негоже»**. Для современного человека, в атеистических традициях воспитанного, это еще одно доказательство того, что «эти церковьники» придуряются, лицемерят и шельмуют на каждом шагу, потому что сами ни в кого не верят.

Ан нет! Не богохульничал народ, эту присказку создавший. Даль пишет: «...Вышла с юга, она малорусская, не понята у нас и потому искажена: «Нам не гоже, от тоби небоже», вот тебе небога, небоже; у этого слова много значений: бедняк, убогий, нищий, калека, юродивый, несчастный, о ком соболезнуют, близкий, родич, племяш; эта пословица отвечает нашей: «Удобрилась мачеха до пасынка: велела в заговенье все щи выхлебать».

Вот в таком смысле всё понятно современнику, давно привыкшему к «second hand», то есть ношенной одежде как форме благотворительности состоятельных иноземцев.

Вот какой глубинный смысл и целую «историю с географией» преподносит нам распространенная присказка **«Нужда научит калачи есть»**:

«...Как притча, истолкована была верно: нужда заставит работать, промышлять. «Голь мудрена, нужда на выдумки торовата» – она даст ума и, коли не было ржаного хлеба, доведет до того, что будет и пшеничный. Но есть тут и прямой смысл: нужда домашняя заставит идти на заработки. «Промеж сохи и бороны не ухоронишься; ищи хлеб дома, а подати на стороне»; куда? Первое дело на Волгу, в бурлаки; это и поныне еще

статья, а до пароходства это был коренной, и притом разгульный, промысел десяти губерний; на Волге же, миновав Самару, приходишь на калач (булка, пирог, калач, пшеничный хлеб). Верховым бурлакам это в диковину, и они-то, отцы и деды нынешних, сложили эту поговорку.

«Неволя вниз идет, кабала вверх»; тут речь все о той же матушке-Волге и о бурлачестве, с которым связана кабала, потому что задатки взяты вперед, уланы домой в оброк, а остатки пропиты. Неволя, то есть нужда, идет вниз, по воде, искать работы; вверх, против воды, идет, или тянет лямкою, кабала. В прямом смысле: холоп или раб (неволя) ждет лучшего, потому что худшего ему нет, ждет милости и доверия за верную службу свою: это у него впереди; кабальный же все более путается, долгает, наедает и набирает для себя новую кабалу, срок за сроком; кабала подымается, все усиливается и в старину нередко так же кончалась холопством».³⁷

Без подробного разбора, а для примера и самостоятельных выводов (и неожиданных открытий!) приведу одну подборку знаменитых пословиц и поговорок, добросовестно собранных по принципу: полный вариант – и то, что осталось в нашем современном обиходе. Кто-то припомнит, что и вторую часть слышал, но, уверен, для большинства многие присказки в таком виде неизвестны.

Бедность – не порок [а вдвое хуже].

Ворон ворону глаз не выклюет [а и выклюет, да не вытащит].

Гол как сокол [а остер как топор].

Два сапога пара [да оба на одну ногу].

Дело мастера боится [а иной мастер дела].

За битого двух небитых дают [да не больно-то берут].

Кто старое помянет – тому глаз вон [а кто забудет – тому оба].

Курочка по зернышку клюет [а весь двор в помёте].

Молодые бранятся – тешатся [а старики бранятся – бесятся].

Новая метла по-новому метёт [а как сломается – под лавкой валяется].

Один в поле не воин [а путник].

От работы кони дохнут [а люди – крепнут].

Повторенье – мать ученья [и прибежище для лентяев].

Пьяному море по колено [а лужа – по уши].

Рыбак рыбака видит издалека [потому стороной и обходит].

Семь бед – один ответ [восьмая беда – совсем никуда].

Собаку съел [хвостом подавился].

Старый конь борозды не испортит [да и глубоко не вспашет].

У страха глаза велики [да ничего не видят].

Шито-крыто [а узелок-то тут].

Немудрено, что мы чаще пользуемся обломками этих пословиц: тот народ, который их создал, помимо мудрости, обладал и тем, что мудрость дает, – деликатностью. И не договаривал до конца пословицу – обоснованно полагая, что собеседник доскажет, про себя или вслух. Так создается полотно общения, единства смыслов.

Мы иной раз и сейчас так поступаем – напоминаю собеседнику фрагмент из всем известного фильма, цитату из популярной книги или анекдот. И возможность недоговаривать фразу – в уверенности, что собеседник знает – и делает нас сопричастниками некоему общему миру, одной культуре! Мы говорим на одном языке – и поэтому можем себе позволить лишь намечить, намекнуть. Мы сопричастники таинственного и глубокого знания, которое вовсе и необязательно договаривать до конца. Слово – серебро, а молчание – золото именно в этом смысле!

Но все скуднее – с собеседниками-то, которые мысленно завершат строку! И во времена бойкого хождения пословиц так скудно было, да и сейчас не богаче.

И повисали половинки пословиц, как обломки. **Нет слышащего – вот и гаснет слово...**

Собственно, об этом я, как умел, и пытался поразмышлять в этом эссе.

Ровно 25 лет назад, в 1985-м, на кафедре теории и практики советской и партийной печати факультета журналистики МГУ я защитил диплом, темой которого, если коротко, была **имитация общения**. Тема диплома оформилась из бесед и исследований на спецсеминаре социолога Бориса Андреевича Грушина «Массовое сознание».

В дипломе я разбирал различные подсмотренные ситуации, в которых люди и говорили вроде бы на одном языке, и живо обсуждали какие-то существенные для того времени темы, но **собственно общения** не возникало.

В итоге обладавший всеми формальными признаками заинтересованного диалога разговор многих людей в действительности не превращался в общение. Оставался пустой болтовней –

³⁷ В.И.Даль. «Пословицы и поговорки русского народа». Напутное.

для тех, кому невыносимо молчание. Или того хуже – становился игрой масок, попыткой исполнить чуждые, но привычные ритуалы, опробовать чужие роли – и это не только не обогащало говоривших, а даже опустошало.

Для такой имитации в научной терминологии есть слово «квази-», то есть «вместо», или на сегодняшнем языке улицы и Интернета – «какбэ» или «типа». Квазиобщение – какбэ общение, типа того.

От квазиобщения прямой путь к квазиобщности и наоборот.

Есть устойчивые крепкие сообщества – малые и большие, именуемые в социальной психологии группами. В них есть и целостность, и иерархия, и внутренняя идеология, и единство. И группам присуще групповое со-знание, со-общение. Типичные примеры – семья, община, гильдия ремесленников и т.п. И даже народ – в том тургеневском понимании, изложенном в стихотворении «Русский язык».

Есть и другие сообщества, групповых черт лишённые. И не важно – велика ли по размеру случайно собравшаяся, ни в чем существенном не единая эта масса людей, но она именно – масса. С массовым сознанием – как пороодообразующим признаком. С неизбывной страстью судить обо всем подряд, но с отсутствием готовности идти вглубь и нести ответственность за сказанное слово или реально сделанный шаг. С кумирами, не укоренёнными ни в одной традиции. С жаром подхватывающая из телевизора новомодные теории и фантазии, успевая за кратчайший срок

и вознести, и развенчать медицинские, оккультно-мистические, вокально-инструментальные, политические и иные авторитеты.

Словом, **какбэ** общность. Имитация общности. Массе – в отличие от группы – не нужна ни традиция, ни подробный разбор неясностей. И собственно общение не нужно.

...Нет уже той страны, в которой был защищён диплом. Очень многое изменилось и в обществе, и в «теории и практике печати». Из закрытых архивов вышли на свет тексты и документы, которым цены нет, если воспитывать на них ум и честь, совесть и вкус. Не подавляемые мощью государственной машины и идеологии, осуществляют свое служение церкви и религиозные организации любых вероисповеданий. Благодаря Интернету и иным средствам связи фактически любой источник знания доступен со скоростью электрического сигнала. Планета стала крошечной – как у Маленького Принца.

Только вот голос самого Маленького Принца на ней неразличим. Вообще – подчас неразличимы голоса даже очень близких людей!

И сегодня тема квазиобщения едва ли не более актуальна, нежели тогда.

И «обидно за державу», а то и просто страшно, что данное нам – для общения – богатство мы превращаем либо в коммерческий золотой ключик, либо в средство разрушения – собеседника, смысла, а в конечном счете – своей души...

Николай Павлович ГАБАЛОВ

родился в 1963 году.

Выпускник факультета журналистики МГУ (1985 год).

С 1985 по 2000 год работал в республиканских и городских газетах Карелии,

с 2000-го по настоящее время – руководитель службы по связям с общественностью крупной лесопромышленной компании.

Член Союза журналистов России с 1986 года.

Публиковал очерки в сборнике «На своей, на северной земле» (1988),

в альбоме «Сегежский ЦБК: От чистого истока» (2004).

В журнале «Север» публикуется впервые.

